

Хотя боль не стихала и шум прибоя всё так же гремел в голове, Линь вдруг повеселел.

Фельдграу увидел, как он, опершись, приподнялся в кровати и с нетерпением спросил:

— Сколько? Сколько?

Инквизитор подумал, что если бы можно было заменить анестезию и обезболивающие деньгами, эффект получился бы лучше, и с лёгкой улыбкой сказал:

— Премия от центрального отделения за твою личную заслугу составила триста юаней. Плюс официальное поощрение, но оно будет позже.

— Ого! — Линь издал довольный звук.

Его базовая недельная зарплата как штатного ритуалиста составляла шестьдесят юаней, плюс пять юаней еженедельного пособия по инвалидности. Триста означали, что ему выплатили ещё пять недельных окладов разом. Семейные накопления сразу же заметно выросли.

Фельдграу тоже слегка улыбнулся и продолжил:

— А затем...

Хотя глаза Линя были закрыты повязкой, Фельдграу мог вообразить сияние в его зрачках.

Темноволосый ритуалист даже подался вперёд и с явным возбуждением спросил:

— Награда за поимку?

— Верно, — кивнул Фельдграу. — «Цветочная рука» и «Стальной тигр», а также сама Явора Бенгаль, «Дева соцветья желаний». За «Цветочную руку» назначено сто пятьдесят, за «Стального тигра» — триста. Всего четыреста пятьдесят, они будут поделены между тобой и троицей из команды Песнелета. А вот за Явору Бенгаль награда составляет полторы тысячи.

«Полторы тысячи!»

У его семьи из шести человек — даже считая пропавшего без вести — никогда не было таких накоплений. До того как Линь поступил в Инквизицию, в их доме вообще не знали слова «сбережения».

— Её вы убили вместе с Кроввиргом, — продолжил Фельдграу. — Но он сказал, что, когда прибыл, она уже была почти мертва, и он лишь добил её для верности. Потому счёл ненужным

забирать свою долю награды. Так что вся сумма достанется тебе.

Он взял со столика термос, налил воду, коснулся пальцами края чашки, покрыв её лёгким инеем, и довёл температуру до чуть выше комнатной.

Передав кружку Линю, он спросил:

— Что думаешь?

— Хм, — Линь принял воду и нахмурился. — Ходогора говорила что-нибудь вашему заместителю?

— Та молодая рыцарь крови? — Фельдграу, как глава всего Шпиневилля, имел собственные методы оценки людей. — До сих пор даже не вспомнила о вознаграждении.

— Пф-ф, — Линь рассмеялся. — Она такая, да.

— Талант у неё выдающийся, характер прямой, просто опыта не хватает, — впервые позволил себе критику Фельдграу, но тут же смягчился: — С опытом придёт нужная зрелость. Под началом Песнелета ей будет в самый раз.

«Ветеран обучает новичка... Умеете подбирать пары».

Он сделал глоток. Тепло разлилось по телу, и даже ноющая боль в левом глазу будто немного ослабла.

Хотя шум приборя всё ещё гудел в черепе, за эти часы Линь успел к нему привыкнуть.

Он отстранил раздражение, задумался и сказал:

— Хотя я почти не говорил с вашим заместителем, мне известно, что я ему не слишком нравлюсь. Пожалуй, из-за того, что он, как и Ходогора, человек с чрезмерной моральной щепетильностью. И вдруг он вот так помог мне... Это что, чувство боевого братства, возникшее после совместного боя? Или...

Он посмотрел на Фельдграу:

— Ваш заместитель до этого говорил обо мне что-нибудь плохое?

Снежноволосый верховный инквизитор лишь улыбнулся.

Линь прикинул, что за эти два дня многое произошло. Было нетрудно догадаться, на каких совещаниях заместитель верховного инквизитора мог бросить на него тень подозрения. Но тогда Линь действительно выглядел подозрительно. С точки зрения начальства это было не злословие, а лишь «неупускание возможной зацепки».

Теперь, когда директор Листчес оказался предателем, у того, вероятно, возникло чувство вины. И правда, характеры отца и дочери Арабиан были схожи.

— Я понял, — Линь не был из упрямцев, отвергающих добрую волю. Он счёл долгом запомнить оказанную помощь и добавил: — Я лично поблагодарю его.

— Тогда хорошо, — кивнул Фельдграу. — Ловветро позже сообщит в бухгалтерию.

Он замолчал. Следующий вопрос касался личного, но сегодня Фельдграу не удержался.

— Линь, сколько у тебя накоплено на лечение?

— С учётом сегодняшней премии и вознаграждений больше двух тысяч шестисот, — ответил Линь. Этой суммы хватило бы, чтобы семья жила в комфорте: можно было бы снять просторную квартиру, где у каждого имелась бы отдельная комната с высоким потолком, а ещё позволить себе рестораны несколько раз в неделю. — На полное восстановление тела нужно тридцать тысяч. Раз я за полгода скопил столько, то за шесть лет... Не так уж много.

Если болезнь Параибы не обострится, он рано или поздно накопит всю сумму.

А вот если что-то пойдёт не так, придётся занимать.

— А на себя? — спросил Фельдграу.

— М-м? — Линь не сразу понял.

— На собственное лечение, — уточнил верховный инквизитор. — Ты собираешься лечиться?

Линь, получавший пособие по инвалидности, вовсе не воспринимал себя инвалидом. Он даже несколько секунд не понимал, что имелось в виду, и лишь потом сообразил.

Даже его «толстокожий характер» не выдержал искреннего беспокойства начальника: он неловко усмехнулся.

— Мне это ни к чему, — сказал он. — Мой генетический дефект лишь повлиял на развитие расовых признаков, но здоровья он не задел.

По человеческим меркам он был абсолютно здоров.

Ему оставалось только чуть-чуть подрасти.

Хотя бы ещё немного.

Фельдграу, видя, с какой лёгкостью Линь отмахнулся от проблемы, только сильнее встревожился.

Врачи предположили, что боль в его левом глазу, которую не показывало обследование, являлась фантомной, психосоматической. Но Фельдграу не верил, что столь крепкий, а порой даже безумно смелый внутренний мир Линя мог получить психологическую травму от ранения, которое поддавалось лечению. Гораздо больше его беспокоило, что боль была предвестием вспышки наследственной болезни.

Он молча воззвал к Близнецам Диссонанса, а вслух предложил:

— Лучше пройти детальное обследование. Всё равно ты несколько дней проведёшь в больнице, так что это удобный случай. Да и платить не придётся, все расходы будут покрыты.

Линь чуть не прослезился.

«Большой начальник сам подсказывает, как стрясти шерсть с казённой овцы!»

— Такое я точно не упущу... А-а-ай!

Будто нарочно, боль, о которой он почти забыл, внезапно обрушилась с новой силой. Юный инквизитор схватился за глаз, кружка выскользнула из его руки и полетела прямо на простынь.

Фельдграу рывком поднялся, поймал её и поставил на тумбочку, не дав воде пролиться.

Второй рукой он потянулся к глазу Линя и столкнулся с его ладонью.

Он сразу почувствовал, что Линь давил слишком сильно. Если бы тот успел с такой силой прижать глаз, хрупкий новый орган наверняка снова пошёл бы кровью.

Не теряя времени на уговоры, Фельдграу крепко сжал его руку, не давая двигаться, а другой ладонью осторожно коснулся повязки.

Даже через толстый слой марли он ощутил, как глазное яблоко под ним дрожит.

— Линь, — сказал он строго, — можно я сниму повязку и посмотрю твой глаз?

Даже после утреннего опыта с зеркалом Линь в этот миг задержал дыхание.

Несколько часов назад, когда он ощупывал пустую глазницу, в ней ничего не было найдено, и сам ритуалист тогда вскоре потерял сознание. Но перед тем, как отключиться, он успел услышать, что заместитель верховного инквизитора передал приказ: отправить целый отряд и прочесать каждый клочок той пещеры, чтобы найти осколок «Раковины».

Только Линь знал: осколок находился в его левом глазу.

Хотя он и сам не понимал, как он туда попал.

Юный инквизитор ясно ощущал жгучее присутствие инородного тела, слышал нескончаемый гул прибоя, но сколько ни пытался нащупать, извлечь фрагмент было невозможно.

Даже Ходогора, заместитель верховного инквизитора и врач медицинского подразделения ничего не заметили.

Теперь он и сам не знал, стоит ли ему радоваться этому или тревожиться.

Неразрывная связь с останками божества, не являющимся одним из Столпов... Коли кто-то обнаружит, его если не убьют, то запрут в комнате очищения на всю жизнь.

«Но если, наоборот, никто ничего не заметит — значит, придётся терпеть эту адскую боль до самой смерти?»

Ни один из вариантов его не устраивал.

И вот перед ним встал новый выбор.

Сумеет ли верховный инквизитор заметить фрагмент «Раковины»?

И если заметит — убьёт ли его?

«О, Мелодия Раковины, ты мертва уже столько веков — зачем было подставлять меня?» — с тенью обиды подумал Линь, стараясь выровнять дыхание.

Нет, это не выбор. Отказ от осмотра сейчас будет выглядеть ещё подозрительнее.

Оставалось рискнуть.

— Хорошо, — произнёс он. — Осмотрите.

Небольшая заминка промелькнула в глазах Фельдграу, но он ничего не сказал. Убедившись, что Линь больше не давит на глаз, он отпустил его руку и начал развязывать повязку на затылке.

Туго намотанные слои ткани один за другим падали вниз, открывая закрытый правый глаз.

Левый же был заклеен марлей, фиксированной пластырем. Фельдграу осторожно снял её и увидел глаз, что дрожал под веком. Через несколько секунд он раскрылся.

Гладкий, ровный, с чёрной радужкой, совершенно целый. Ни малейшего изъяна, ни следа нанесённых ритуальных кругов.

— Где именно болит? — спросил Фельдграу.

— Весь глаз, — ответил Линь. — Особенно глубоко внутри.

Из левого глаза потекли слёзы.

Брови Фельдграу сошлись в резкой складке, и мягкие черты лица стали непривычно суровыми.

Линь подумал, что он вот-вот выхватит пистолет. Но инквизитор лишь коснулся пальцами его щеки и стёр слезу.

— Прости, — тихо сказал он. — Я не могу найти причину твоей боли.

Линь никогда не бывал так близко лицом к лицу с верховным инквизитором, сердце его колотилось, и всё же он выдавил:

— Это не ваша вина. К тому же... кажется, уже не так больно.

— Правда? — Фельдграу распахнул глаза. Несмотря на тревогу, радость от облегчения боли отразилась в его взгляде.

— Правда, — подтвердил Линь.

В этот миг боль стихла, и даже шум прибоя будто отступил вдаль.

Наверное, это было действием магии верховного инквизитора. На следующий день глаз Линя больше не пронзала невыносимая боль.

Он прошёл полное обследование, и, как прежде, у него нашли лишь наследственную патологию. Но ему всё равно дали два дня отдыха.

Тем временем Инквизиция оставалась под локдауном, а из подразделения внутреннего надзора распоряжения вернуться домой не поступало.

К счастью, в здании имелись оборудованные комнаты отдыха, и ещё к большому счастью — на второй день локдауна проверенные продукты наконец допустили на кухню.

Линю больше не приходилось довольствоваться крахмальными гарнирами и бесконечными грибами.

Грибы имели хороший вкус, но подростку нужен был мясной рацион.

Даже если ему исполнилось восемнадцать, он всё равно оставался подростком!

Он уже приготовился провести весь день в архиве ритуального подразделения, зубря тексты и словарь. Но вечером он услышал молитву Кристабель Померан в зеркале.

Единственной верующей следовало уделить внимание. Линь посмотрел сквозь зеркало и увидел, что Кристабель, казалось, обосновалась в новом жилище. Она стояла на коленях перед трюмо и рассказывала:

— Повелитель, сегодня я подала заявку в театр на должность уборщицы.

«Уборщицы? Для женщины, что после школы вышла замуж, несколько лет не имела никакого опыта и одна присматривала за ребёнком, это уже неплохо».

— Я прошла собеседование, — продолжила Кристабель, — и стала актрисой.

Линь кивнул.

Через секунду он опешил:

«Актрисой? Ты же шла устраиваться уборщицей?!»

<http://bllate.org/book/12612/1119975>